

Victoria Zapounidi

Выбор

Сила активного
воображения

18+

Victoria Zapounidi

**Выбор - сила активного
воображения (на трёх
языках: RU / EL / EN)**

«Автор»

2026

Zapounidi V.

Выбор - сила активного воображения (на трёх языках: RU / EL / EN) / V. Zapounidi — «Автор», 2026

С самого момента нашего рождения начинается путь к смерти, и единственное, что наполняет этот путь, это активное воображение. Эта книга предлагает взглянуть на активное воображение как на пространство, в котором рождаются идеи, общества, религии, искусство, культуры, государства, технологии и само будущее человечества. Именно из него исходят добро и зло, свобода и рабство, великие научные открытия и разрушительные войны, спасительная сила и слепой фанатизм. Всё это становится частью человеческой реальности, определяя направление развития отдельных людей, обществ и целых цивилизаций. Сегодня мир стоит на пороге перемен всемирно-исторического масштаба. Искусственный интеллект, глобальные кризисы, экологические проблемы, войны, духовная пустота и непрерывное движение цивилизации к неизвестному будущему заставляют нас задаться вопросом: каким будет человек завтрашнего дня? Сможет ли он перейти от роли жертвы обстоятельств к роли творца собственной реальности?

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Выбор - сила активного воображения (на трёх языках: RU / EL / EN)

Глава

Выбор — сила активного воображения
Виктория Запуниди

Copyright © 2026

Все права защищены. Ни одна часть этой книги не может быть воспроизведена или опубликована полностью или частично каким-либо способом без разрешения автора.

ISBN 978 601 7716 00 4

Я посвящаю эту книгу моей маме, которая научила меня тому, что у человека две жизни и вторая начинается тогда, когда он понимает, что жизнь у него только одна.

Я хочу выразить глубокую благодарность всем моим преподавателям за вдохновение, поддержку и бесценное наставничество.

Я также благодарна моей семье, моему любимому мужу, моим детям, друзьям и ученикам. Каждый из вас внёс вклад в этот путь и оставил в этой книге свой особый и неизгладимый след.

Кто виноват?

С момента нашего рождения начинается наш путь к смерти. И единственное, чем мы можем наполнить этот путь — это активное воображение.

Как человеку пробиться сквозь оболочку рационализма и преодолеть нигилизм?

Как войти в пространство и время активного воображения, чтобы наполнить свой путь к смерти светом и творчеством?

В современном мире активное воображение часто смешивают с фантазией, которая не способна заполнить пустоту.

Но природа не терпит пустоты. И если человек сам не наполняет свой путь светом, чужие, тёмные «хочу» постепенно становятся его собственными «должен».

Современный мир всё больше напоминает антиутопию, описанную Джорджем Оруэллом в романе «1984». Именно поэтому возвращение к свету становится сегодня необходимостью.

Зло перманентно присутствовало в истории человечества. Всегда были войны, катастрофы и разрушения. Однако никогда прежде последствия человеческой деятельности не достигали столь драматического и планетарного масштаба.

А с развитием искусственного интеллекта наши представления о нравственности стали меняться особенно стремительно.

Пришло время освободить свет из телесной темницы, но сделать это ещё при жизни. Тогда вопрос о том, как Всевышний всё это допускает, перестанет служить оправданием нашей пассивности. Человек перестанет уповать на предначертанную судьбу, обвинять других в происходящем и возьмёт на себя ответственность за собственную жизнь.

Я убеждена, что ответы на эти вопросы, как и возможность спасения всего человечества и планеты, заключены в одном переходе.

От человека-жертвы к человеку-творцу.

Главная цель этой книги заключается в том, чтобы понять, возможен ли такой переход посредством активного воображения. Для этого мы рассмотрим его структуры и логику и определим, каким образом воображение связано с выбором, ответственностью, созиданием и преобразованием мира.

Путь от жертвы к творцу открыт каждому. Человек способен вернуться к свету и наполнить свой путь творчеством.

Что мы знаем о воображении?

Mundus Imaginalis представляет собой понятие, предложенное французским философом и востоковедом Анри Корбеном для обозначения промежуточного мира между чувственно воспринимаемым и духовным.

Человек воспринимает этот мир не только через органы чувств, но и посредством воображения, которое становится связующим звеном между материальным миром и высшими духовными реальностями.

В восточной теософии, особенно в суфийской традиции, этот мир нередко называют «восьмым климатом», или Na-Koja-Abad, что буквально означает «страна Нигде».

Но это Нигде не утопия. Для восприятия этого мира необходима особая сила воображения, познавательная ценность которой столь же реальна, как ценность чувственного восприятия или интеллектуальной интуиции. Поэтому её нельзя смешивать с тем, что современное сознание привыкло считать «фантазией».

Жильбер Дюран, французский антрополог и исследователь мифа и символа, считал, что этот мир заключает в себе бесчисленное множество архетипов и что всё, обретающее воплощение в материальном мире, определяется ими. Он выделял три группы мифов, организованные в два режима воображения.

Миф для Дюрана не вымысел, а упорядоченная система архетипов и символов, в которой проявляются фундаментальные структуры воображения. В таком понимании историю нельзя считать основанием мифа. Скорее, сама история оказывается одним из способов проявления мифологических структур, и потому её логику следует постигать, исходя из мифа.

Мир активного воображения реальнее мира материального.

Кому это доступно?

Каждый человек способен выбирать, чем наполнить свой путь к смерти. Но доступ к этому миру открыт всем, и добрым, и злым.

Когда политические, религиозные лидеры и финансовые элиты используют эту возможность ради собственных целей, они навязывают другим людям свои «хочу», превращая их в чужие «должен». Если человеком движут жажда крови и алчность, сила активного воображения и архетипов обращается уже не к созиданию, а к разрушению человека и мира.

Согласно профессору университета имени Аристотеля Салоник Панайотису Дойкосу, исследовавшему наследие Анри Корбена, всё существующее в нашем мире приходит из мира воображения.

Он полагает, что отношения власти между людьми могут принимать две формы. Один человек либо приближается к другому в свете совместного восхождения, либо нападает на него во тьме навязывания своей воли.

Активное воображение представляет собой пространство и время, в котором бесконечный спектр смыслов обретает чувственно воспринимаемые формы. Ни одно проявление власти, созидательное или разрушительное, не может осуществиться во внешней реальности, если прежде оно не обрело форму в этом пространстве и времени.

Каждый человек способен войти в этот мир, встретиться со своим Светом в пространстве и времени активного воображения и среди бесчисленных архетипов и мифов избрать ту материальную реальность, которую он воплотит.

Получив доступ к этому миру, человек перестаёт быть жертвой.

Здесь он может стать творцом, соприкоснуться с бесконечным, как, например, композитор Микис Теодоракис.

Но каждый делает это по-своему и в доступной ему мере, создавая «личные отношения со Вселенной в опыте духовного творчества».

Микис Теодоракис был не только композитором, но и философом. Он создал собственную теорию Вселенской гармонии, согласно которой всё в мире, от движения небесных тел до внутренней жизни человека, подчинено единому ритму, а музыка позволяет нам эту гармонию услышать.

Мир воображения

Человек привык верить в то, что видит, слышит, к чему может прикоснуться. Но есть вещи, которые выходят за пределы нашего непосредственного восприятия. Я понимаю, что принять эту мысль непросто, но хочу попросить вас на время отложить скептицизм и представить, что мир воображения, которого мы не видим своими глазами, действительно существует.

Более того, именно он определяет нашу реальность. Всё, что человек создает, сначала возникает в воображении.

На протяжении всей истории человечества философы пытались понять, как устроен этот невидимый мир и по каким законам он существует. Я хочу представить вам свое видение структуры и логики воображения.

Я намеренно отделила теоретическую часть своей работы и вынесла ее в конец книги. Если приведенные ниже теории и термины вам незнакомы, вы можете сначала ознакомиться с ними, а затем вернуться к этой части.

Философия Жильбера Дюрана во многом опиралась на наследие Анри Корбена. Последователи обоих философов не раз сопоставляли их концепции, обнаруживая между ними целый ряд параллелей. Но чем глубже я погружалась в труды этих мыслителей, тем яснее понимала, что их идеи не следует просто сопоставлять, сводя всё к перечню сходств и различий.

Я предлагаю взглянуть на созданные ими понятия и идеи как на единую вселенную, расположив их при этом на разных уровнях.

Каждому из трёх миров Сухраварди соответствует свой орган восприятия.

В мире Джабарут действует интеллектуальная интуиция.

В мире Малакут действует интуиция воображения.

В мире Мульк действует чувственное восприятие, эмпирическое познание посредством пяти внешних чувств.

Все три режима Дюрана принадлежат области Малакута (Mundus Imaginalis), поскольку относятся к пространству мифа.

Дюран называет дневной режим вертикальным, а два ночных горизонтальными. Однако это различие само по себе ещё не означает, что один режим положителен, а другой отрицателен.

На мой взгляд, их качество определяется тем, насколько близко они находятся к внутреннему свету человека.

При этом вертикальность дневного режима Дюрана не следует отождествлять с вертикальным движением к внутреннему свету у Корбена. Все три режима Дюрана способны двигаться по отношению к этому свету. Приближаясь к нему, они обретают созидательный характер. Удаляясь от него, уходя к периферии и во тьму, они искажаются и мутируют.

Образно это можно представить как три вихря, дневной *diurne*, ночной синтетический *nocturne synthétique* и ночной мистический *nocturne mystique*. Все они вращаются вокруг оси света, внутреннего света Корбена.

Удаляясь от света, эти вихри сметают и разрушают всё на своём пути.

Но, приближаясь к нему, они превращаются в галактические центры созидательного хаоса и начинают творить.

Удаление от света ведёт к разрушению.

Приближение к свету ведёт к творчеству.

Мутации в мире воображения

Чем дальше три режима Жильбера Дюрана отходят от внутреннего света, тем сильнее они мутируют и искажаются. В наше время это удаление, по-видимому, приближается к своей крайней точке. Мы с головокружительной скоростью движемся к краю.

Квантовая физика признаёт связь между наблюдателем и объектом. Пока объект не наблюдается, он пребывает в состоянии суперпозиции. Невозможно определить, в каком именно состоянии или положении он находится, до самого момента наблюдения.

Мир воображения одновременно создаёт и наблюдателя, и кота.

Кот Шрёдингера – мысленный эксперимент: кот в закрытой коробке считается одновременно живым и мёртвым, пока коробку не откроют и не узнают результат. Так иллюстрируется принцип квантовой суперпозиции.

Но когда наблюдатель удаляется от света, в действие вступает то, что мы называем «судьбой». В действительности же этой судьбой становятся чужие «хочу», превратившиеся в наши собственные «должен».

Так человек становится своего рода поведенческим двойником голубя Скиннера. Он начинает верить в судьбу и тем самым освобождает себя от ответственности.

Тогда его внутренний свет легко подменить внешним светом или даже тьмой, которую навязывают другие люди, обращая активное воображение во зло.

Скиннер помещал голодных голубей в клетку, где еда появлялась через определённые промежутки времени независимо от поведения птицы. Голуби начинали повторять движения, которые случайно совершали перед получением еды, например, кружиться или кивать головой. Скиннер интерпретировал это как возникновение «суеверного» поведения.

По Панайотису Дойкосу, доступ к Mundus Imaginalis открыт каждому человеку, хотя степень и качество этого доступа различны.

На мой взгляд, здесь можно выделить три основных уровня, которые развиваются в двух направлениях.

Вертикальное движение к внутреннему свету

Визионерское воображение и визионерский опыт.

Активное воображение и творчество.

Горизонтальное движение от внутреннего света к периферии

Активное воображение и разрушение.

Вертикальное движение представляет собой возвращение к самому себе. Человек движется от периферии и внешнего мира во внутренний, сквозь мерцающую тьму к внутреннему свету, к своему световому двойнику, к рождению Бога внутри нас.

Визионеров, тех, кому дано пережить подобный опыт, очень мало. Они сливаются со светом, растворяются в нём. Но не исчезают. Исчезновение в свете означало бы то безумие, о котором так любят говорить рационалисты и противники метафизики.

Здесь речь идёт о другом растворении, об инициации. Параллельные миры становятся доступны визионеру и входят в его реальность.

Опыт визионеров, с одной стороны, свидетельствует о существовании того, чего мы не способны увидеть обычным зрением. С другой стороны, именно этот опыт даёт рационалистам повод объявлять происходящее вымыслом. При этом визионерское воображение смешивают с активным воображением, которое, в отличие от первого, доступно каждому человеку.

Теперь обратимся к тому, что представляет собой вертикальное движение посредством активного воображения.

Соединяясь со своим внутренним светом, со своим внутренним двойником, человек перестаёт воспринимать тело как преграду, как темницу души. Ещё при жизни тело становится для него храмом души.

После инициации душа должна вновь вернуться к периферии, снова встретиться с тьмой, но теперь уже не бояться её.

Такой человек осознаёт, что судьбы нет. Он сам несёт ответственность за свою жизнь. Его вечность заключается в творении. Он сам решает, чем наполнить свой путь до смерти тела. Он вернулся к свету, соединился с ним, растворился в нём. Он есть свет. А свет вечен.

Скептик может возразить. Если это так, зачем человеку тело?

Но природа света заключается в творении. Тело уже не является для человека той преградой, какой было прежде. Свет освобождён ещё при жизни тела. Само же тело становится средством, посредством которого формы *Mundus Imaginalis* обретают воплощение в нашем мире.

Это не сказка и не фантазия. Это то, что мы видим ежедневно, начиная с бутылки воды на нашем столе и заканчивая мирными переговорами между государствами.

Но существует и другое движение, горизонтальное. Это движение от самого себя вовне, прочь от внутреннего света.

Именно оно приводит к мутации режимов воображения. Его проявлениями становятся равнодушие, трусость, разрушительные научные открытия, расизм, загрязнение окружающей среды, конфликты, убийства и войны.

В политике происходит то, о чём Панайотис Дойкос пишет в своей книге о политическом воображении.

«Обладающие политической властью решаются на зло и совершают его, когда в своей гордыне отступают перед смертью. Их власть наступает во тьме навязывания и препятствует отношениям, ведущим прочь от саморазрушения, предпочитая бесплодный эгоизм борьбе за совместное восхождение».

Страх смерти

На мой взгляд, коллективное бессознательное мутирует, когда, оказавшись вдали от внутреннего света, оно оказывается полностью поглощено страхом смерти.

Вблизи света человек способен сознательно выбирать из архетипической основы. Но, отделившись от света, он становится лишь рефлексом смерти.

Он подобен утопающему, который в попытке спастись топит всех вокруг, судорожно цепляется за других, карабкается по ним, встаёт им на головы.

О каком творчестве можно говорить в таком состоянии? Как такой человек способен создавать и отдавать?

И всё же у него остаётся выбор. А значит, остаётся ответственность.

Удаляясь от света, человек оказывается во власти страха смерти. Тогда другие получают возможность использовать этот страх, подменить ему свет, манипулировать им, направить его к разрушению.

Приближаясь к свету, человек понимает, что свет вечен. Соединяясь с ним, он сам общается к вечности. Он возвращается к периферии, но страх смерти больше не парализует его. Теперь он делает осознанный выбор и принимает за него ответственность.

Как человек приходит к свету?

В прошлом одним из путей было почитание смерти. Людей не парализовал страх собственного конца, осознание смертности тела.

И сегодня народы, в культуре которых сохраняется особое отношение к смерти, тибетцы, индийцы, индейские народы Амазонии, находятся, на мой взгляд, ближе к свету.

В современном западном мире, напротив, смерть всё больше превращается в табу.

Смерть человека вызывает тревогу и страх перед тайной. Тело стараются как можно скорее убрать, отправить в морг или похоронное бюро. Время траура становится всё короче.

Но невозможно прийти к свету, не встретившись с тьмой. «Dasein скрывает от самого себя своё бытие к смерти». В результате публичное упоминание смерти и всего, что с ней связано, начинает восприниматься как нечто непристойное.

Мы боимся того, чего не знаем. Подобный механизм можно увидеть, например, в расизме. Страх направляется на людей, которые кажутся «другими», имеют иной цвет кожи, культуру, религию или язык. Именно потому, что они отличаются от «нас», на них легко проецируются собственные страхи и заранее сформированные представления.

Так же действует и страх смерти. Смерть остаётся тем, чего большинство людей не способны ни постичь, ни контролировать. Мы не знаем наверняка, что происходит после неё. Неизвестность рождает тревогу и страх.

А человеком, который боится, легко управлять.

Когда человек сталкивается с тяжёлой болезнью, он внезапно осознаёт смертность собственного тела и начинает искать вечный свет, стремясь соединиться с ним.

Именно поэтому даже неверующий человек, столкнувшись с угрозой смерти близкого, порой начинает молиться и верить.

Для него самого и для его близких это становится своего рода внутренней эсхатологией, переживанием «смерти», которое открывает возможность жить осознанно.

Скептики могут возразить. Разве в таком случае не сам страх смерти приводит человека к свету? Может быть, именно страх смерти, а не освобождение от него ведёт к осознанию?

Но здесь мы имеем дело скорее с шоковой терапией. Представим человека, который боится людей другой национальности. Неожиданно он оказывается с ними в одной комнате. Прежде он никогда не пытался узнать их культуру, но теперь вынужден вступить с ними в непосредственный контакт. Сначала он испытывает ужас, однако выбора у него нет. Постепенно он обнаруживает, что эти люди вовсе не опасны, а общение с ними открывает перед ним новые горизонты.

Нечто подобное произошло во время пандемии. Страх смерти наложился на нехватку пространства и избыток времени.

Для многих людей это стало возвращением к внутреннему свету и началом творчества. «Колесо» вынужденно остановилось, и у «белок», бесконечно бежавших внутри него, впервые появилась возможность оглядеться и увидеть пространство за его пределами.

Свет на время оказывается заключённым в телесную темницу, а затем возвращается к своей «основе». Но может ли душа бояться возвращения к свободе, если тело для неё тюрьма? Нет. А значит, такой человек бессознательно будет двигаться по пути разрушения собственного тела и окружающего мира.

И наоборот, может ли душа тосковать по телу, если оно стало для неё храмом, и страшишься разлуки с ним, потому что именно тело позволяет ей воплощать формы её мира? Да. Такой человек будет творить. Он будет беречь своё тело, окружающий мир и планету.

Я полагаю, что мутация и искажение режимов происходят следующим образом.

Чем ближе дневной режим находится к внутреннему свету, тем более созидательным он становится. Именно здесь человек из потенциальной жертвы смерти превращается в творца жизни.

Большинство людей склонны искать причины происходящего с ними вне самих себя, в обществе, в других людях. Виноваты Всевышний, президент, министры, чиновники, богатые, родители, дети, предки, смерть, кто угодно, только не сам человек.

Удел жертвы состоит в наказании и подчинении.

Позиция героического мифа иная. Человек должен стать автором событий собственной жизни. В этом и заключается смысл героизма. Автор не парализован смертью. Он творит. Он любит. Совершает открытия во благо человечества. Пишет книги. Сажает леса. Передаёт ценности своим детям.

И это становится возможным лишь тогда, когда наш «вихрь» движется к внутреннему свету.

Дневной режим основан на разделении. Но для того, чтобы разделять, необходимо прежде научиться различать свет и тьму, добро и зло.

Когда человек удаляется от света, метафизическое знание начинает казаться ему ненужным и даже вредным. А сегодня оно стало ещё и невыгодным.

Сам по себе рационализм не несёт в себе зла. Но его искажение ведёт к нигилизму. Радикальный позитивизм в конечном счёте становится радикальным негативизмом.

Так же и позитивный нигилизм, оставляющий место для «ничто» не как абсолютного отсутствия, а как пространства для «иного», мутирует в нигилизм отрицания.

Постправда, постдемократия, постинформация. Всё это искажения дневного режима.

Мутация режима проявляется прежде всего в незаметной подмене света.

Люди сражаются со смертью во имя света и добра. Но этот свет чрезвычайно легко подменить, потому что он находится вовне. Именно это происходит сегодня. Люди ведут войны, убивают друг друга, разрушают города и страны, продолжая при этом находиться во власти героического мифа.

Человека, готового со всем сражаться, очень легко направить туда, куда нужно. Достаточно солгать ему, сказав, что вот это свет, а это тьма.

Перед нами по-прежнему вертикальное движение, основанное на рефлексе противостояния. Но поскольку оно совершается вдали от подлинного внутреннего света, происходит подмена цели.

И движение, которое должно было вести к творению, начинает вести к разрушению.

«Война есть мир. Свобода есть рабство. Незнание есть сила».

Как и в романе Джорджа Оруэлла «1984», смерть превращается в инструмент власти. Партия использует страх смерти, чтобы сохранять контроль над населением. Любое сопротивление жестоко подавляется, а неудобные люди «исчезают».

Место сакрального занимают культ личности и партийная идеология. Партия стремится сама стать сакральным центром человеческой жизни, подчиняя себе мысли и убеждения людей. Духовное измерение подавляется ради сохранения абсолютной власти. Главный герой становится жертвой идеологии.

Идеологический контроль во имя света и под угрозой смерти превращается в форму насилия, при которой человеческими жизнями жертвуют ради сохранения власти. пытки и идея неотвратимой судьбы становятся средствами принуждения к покорности.

Те, кто подменяет свет ложью, пользуются тем, что большинство людей отчуждено от собственной природы. Они сознательно культивируют и усиливают чувство стыда, превращая его в инструмент контроля. Пока человек действует внутри установленных ими границ, обществом легче управлять и проще достигать поставленных целей.

То же самое произошло с мифом и воображением. Их объявили сказкой и фантазией.

Сам выбор сегодня представляется чем-то опасным. Человеку внушают, что выбора у него нет, есть только судьба.

Впрочем, самому человеку это тоже удобно. Если всё предопределено, ему больше не нужно отвечать за собственные решения.

И всё же исследования физиологов и философов свидетельствуют, что способность выбирать заложена в самой нашей природе.

Ночной мистический режим даёт миру визионеров, живое свидетельство существования восьмого климата и пример силы визионерского воображения.

В мистическом режиме смерть воспринимается через примирение и сближение. Но при мутации эта способность становится опасной.

Вдали от внутреннего света здесь рождается нигилизм. Возникает стремление бежать от реальности в наркотики, алкоголь, азартные игры, интернет-зависимость, чревоугодие, распущенность, бесконечную погоню за быстрым удовольствием. Человека всё меньше волнует будущее планеты.

Но самая жестокая подмена света происходит тогда, когда, чтобы человек не распознал обман, ему дают иллюзию, будто судьба находится в его собственных руках.

Самоубийство и эвтаназия также становятся, в моей концепции, проявлениями мутации ночного мистического режима, доведённого до крайней периферии.

Когда драматический, или синтетический, ночной режим приближается к свету, возникает творческая деятельность, то, что можно назвать «танцем со смертью».

Творение рождается внутри пространства этого режима при максимально возможном приближении к внутреннему свету.

Мутация этого режима проявляется в развоплощении творческого процесса. Созидательная ночь внутреннего мира подменяется тьмой внешнего.

Творческий подход уступает место механистическому, а таинство воображения превращается в технический процесс.

Искусственный интеллект становится одним из примеров такого удаления от внутреннего света, способного привести к мутации и превратиться в симуляцию творчества.

Описание подобной мутации можно найти в романе Олдоса Хаксли «О дивный новый мир». Творчество там считается опасным и ненужным, поскольку способно породить нестабильность и нарушить общественный порядок.

Смерть лишена духовного смысла и сведена к естественному процессу. Общество поддерживает иллюзию счастья и стабильности при помощи наркотика «сома».

Mundus Imaginalis оказывается подменён искусственным миром иллюзий, подавляющим сакральное измерение человеческой природы.

Духовный поиск подавляется. Творчество объявляется опасным. В этом мире творчество воспринимается как бунт против установленных норм. Поэзия и музыка, способные выражать самые глубокие чувства и мысли человека, почти полностью вытеснены. Произведения искусства и книги спрятаны в хранилищах, а их распространение запрещено, чтобы исключить их влияние на общество.

Главный герой, выросший за пределами этого мира, сохраняет связь со светом. Его переживания и размышления вступают в противоречие с поверхностным счастьем «цивилизованных» людей и обнаруживают пропасть между подлинными человеческими чувствами и искусственно созданным миром стабильности.

Драматический ночной режим представляет собой пространство вечного возвращения дервиша на родину. Чтобы соединиться со светом, необходимо пройти сверкающую тьму. Но эта тьма не является воплощением зла. Это путь, позволяющий увидеть внутренний свет.

Именно в пространстве этого режима, при максимально возможном приближении к внутреннему свету, человек творит. Он совершает открытия, пишет картины, создаёт стихи и музыку.

Жертва или творец?

Пчеловод существует за пределами реальности, доступной пониманию пчелы. Для неё мёд просто время от времени исчезает.

Подобно пчеле, человек постоянно сталкивается с явлениями, причин которых не способен понять, поскольку его восприятие ограничено.

Есть то, чего мы не можем увидеть глазами, ощутить обонянием или услышать ушами.

Но существует иной орган восприятия. Он доступен каждому человеку, хотя степень и качество этого доступа различны.

Изучив труды Анри Корбена, Жильбера Дюрана и Панайотиса Дойкоса, я пришла к выводу, что осознание нашей связи с бесконечным позволяет человеку преодолеть парализующий страх смерти. Именно этот страх порождает потребительское и разрушительное отношение к другим людям, природе, планете и даже к собственному телу.

Преодолевая страх смерти, человек посредством активного воображения становится творцом собственной жизни и принимает ответственность за свои поступки.

Его тело перестаёт быть темницей и становится храмом души, позволяющим её свету освободиться ещё при жизни.

Теперь человеком движет уже не желание успеть захватить как можно больше на своём пути, а стремление отдавать, наполнять, делать лучше, созидать, оставлять после себя.

Этот вывод привёл меня к мысли, что под властью страха смерти человек освобождает себя от ответственности, перекадывая её на предопределённую судьбу и объявляя Всевышнего трансцендентным.

Но Всевышний имманентно присутствует в человеке. Возвращение к свету и осознание единства со Всевышним возлагают на человека ответственность. Ему предстоит вновь вернуться к периферии и встретиться с тьмой, но уже в новом качестве.

Он возвращается как человек, осознавший, что жизнь не является линейным потоком времени, следующим заранее написанному сценарию судьбы.

У него всегда остаётся выбор, чем наполнить свой путь к смерти. Тимшел. А там, где есть выбор, есть и ответственность.

«Тимшел» – это слово встречается в Библии, в истории Каина и Авеля. Широкую известность слово получило благодаря роману Джона Стейнбека «К востоку от Эдема», где оно трактуется как «ты можешь», то есть у человека есть выбор победить грех.

Жильбер Дюран, исследовав концепцию коллективного бессознательного Карла Густава Юнга, отношения между воображением и рационализмом у Гастона Башляра, идеи синхроничности, связанные с работами лауреата Нобелевской премии по физике Вольфганга Паули, *Mundus Imaginalis* Анри Корбена, «восьмой климат» восточных философов, мифологическое пространство Мирчи Элиаде и структурную антропологию Клода Леви-Стросса, пришёл к выводу, что реальность есть миф, и попытался объяснить рациональное посредством мифа.

Посредством мифоанализа Дюран объясняет рациональное через иррациональное. Он показывает, что миф лишь принимает обличье Логоса.

В этом заключается одна из важнейших возможностей его метода. Посредством интерпретации мы способны разоблачить Логос, скрывающийся за внешней рациональностью.

В культуре миф зачастую виден. Но в политике, войнах и разрушении планеты он маскируется, представая борьбой против тьмы и во имя света, который на деле может оказаться ложным.

Символ представляет собой видимое выражение невидимой реальности.

Он позволяет раскрыть глубинные смыслы, недоступные рациональному анализу. Поэтому символы становятся ключами к пониманию причин нигилизма.

За каждым проявлением Логоса стоят его составляющие. Возьмём, например, изобретение Эдисоном электрической лампы. Если разложить это событие на глубинные элементы, мы обнаружим архетипы, режимы и мифы. В данном случае это дневной режим, борьба с тьмой и стремление к свету.

Но война, убийство и разрушение в современном мире также могут принадлежать дневному режиму. Только здесь происходит **скрытая подмена света**.

Вместо встречи со смертью и борьбы за истинный свет мы видим принесение тел в жертву на периферии тьмы.

Архетипы, которые поддерживает общество, становятся частью личности. Те же её стороны, которые общество отвергает, вытесняются и превращаются в «тёмную сторону», вызывая страх и агрессию.

Для победы дневному режиму необходимы сила, мужество и устремлённость к цели.

Ночному режиму необходимы любовь, эмпатия и гибкость.

Каждый враг, возникающий в жизни человека, воспринимается через определённую архетипическую структуру, основанную на мифе.

Согласно исследованиям рефлексологов, человек рождается с полным набором качеств, однако со временем те из них, которые общество считает ненужными, вытесняются.

Поэтому человеку необходимо вернуть утраченные стороны собственной личности, перестать быть лишь половиной самого себя.

Но ещё важнее не позволить этой вытесненной половине, удалившись от внутреннего света, мутировать и принять извращённые формы.

В дневном режиме такой формой может стать война.

В драматическом ночном режиме ею становится развитие творческих идей, лишённых души. В наше время примером этого выступает искусственный интеллект.

В мистическом ночном режиме это полный уход от действительности, безразличие к планете и природе, заточение человека в бесконечной погоне за удовольствием и быстрым дофамином.

Выбор

От чего же в конечном счёте зависит, что именно человек противопоставляет смерти и чем наполняет свой путь к ней?

Все три режима изначально присущи человеку.

Однако общество Логоса, находящееся под воздействием «агностического рефлекса», признаёт только дневной режим, с презрением относится к мистическому ночному и с недоверием к драматическому.

Как я уже говорила, режимы Дюрана невозможно разделить на положительные и отрицательные.

Их качество определяется близостью к внутреннему свету Корбена.

Например, визионеры, которых описывает Сухраварди, пребывали в мистическом режиме, соединяясь со светом. Политики же, о которых пишет Дойкос, находятся в дневном режиме, но на самой дальней границе его периферии.

На мой взгляд, режимом, открывающим каждому человеку доступ к Mundus Imaginalis, является драматический ночной режим.

Это становится возможным благодаря чередованию героического и мистического мифов.

Но это чередование должно осуществляться посредством активного воображения.

Главным условием, определяющим качество этого режима, является возвращение к внутреннему свету.

Только тогда свет дневного режима соединяется со светом восьмого климата. Тьма ночного режима сливается со светоносной ночью Корбена, и лишь тогда танец со смертью приобретает созидательный характер.

В квантовой механике существует многомировая интерпретация, предложенная Хью Эвереттом в 1957 году. Согласно ей, каждое квантовое измерение порождает множество параллельных миров, в каждом из которых осуществляется один из возможных вариантов событий.

Таким образом, все возможные варианты существуют одновременно в разных ветвях реальности. Каждый сделанный нами выбор способен привести к возникновению новой ветви реальности.

В таком понимании свобода выбора становится одним из ключевых факторов формирования будущего. А значит, мы несём за него ответственность.

Подобную мысль мы встречаем в фильме «Интерстеллар».

«Единственное чувство, доступное нам и способное преодолеть пространство и время – любовь».

Связь главного героя с дочерью становится движущей силой повествования. Эта любовь преодолевает физические границы и отзывается во всех измерениях гиперкуба.

В фильме «Аватар» существует Эйва, своего рода коллективное бессознательное, архетипическая основа мира. Обитатели Пандоры способны соединяться с ней и осознанно выбирать архетипы из *Mundus Imaginalis*.

Мы живём не на Пандоре. Но наша «Эйва» существует, просто мы её не видим. Поэтому зачастую ждём, пока кто-то другой выберет архетипы за нас.

Но выбор у нас есть. Мы можем сами решить, чем наполнить свой путь к смерти.

Только через соединение со светом и последующее возвращение к периферии уже в новом качестве, в качестве человека света, становится возможным переход от одной формы власти к другой, той, в которой осуществляется совместное восхождение.

Проблема заключается в том, что в действительности мы боимся ответственности.

Мы боимся ошибиться. Боимся сделать неправильный выбор. Поэтому нам легче верить в трансцендентного Всевышнего, роль которого начинают исполнять люди, сами находящиеся на периферии, вдали от собственного света.

Именно о смерти такого Бога говорил Ницше. Но, как замечает Жиль Делёз, в действительности на карту поставлена смерть человека. Потому что имманентный Бог умереть не может.

Я полагаю, что сегодня наша задача заключается в том, чтобы дать современному человеку своего рода «инъекцию метафизики» и ещё при жизни освободить свет из его телесной темницы.

У нас уже нет времени проходить весь путь Гильгамеша. Режимы вращаются на самой дальней своей периферии, разрушая всё, что встречается им на пути. Пришло время нового человека, человека - творца.

Только такой человек способен выбрать путь творения, а не разрушения, и не побояться принять ответственность за собственный выбор.

Часть II

Структуры и логика воображения в работах Анри Корбена

«Эранос» и Анри Корбен

До Первой мировой войны в Европе господствовал исторический оптимизм. Люди верили в неуклонный прогресс человечества, совершенствование нравов и развитие цивилизации.

Однако война показала, что даже самые развитые и культурные народы способны уничтожать друг друга вместе со всеми достижениями собственной культуры.

Это привело к глубокому кризису рационализма и прогрессизма. Стало очевидно, что эти теории не способны объяснить иррациональные силы хаоса, зла и алчности, приведшие к разрушению.

Осознание этого вызвало всё более острую критику рационализма и потребность в новых подходах к пониманию человеческой природы.

Именно эти вопросы оказались в центре внимания участников интеллектуального круга «Эранос».

Круг «Эранос» был основан в 1933 году по инициативе Ольги Фрёбе-Каптейн и стал уникальным пространством для ежегодных встреч учёных и мыслителей самых разных направлений. Карл Густав Юнг назвал «Эранос» «местом встречи Востока и Запада».

Каждая конференция была посвящена определённой теме. Участники выступали с продолжительными докладами, после которых следовало философское обсуждение. Лекции и дискуссии «Эраноса» публиковались с 1933 по 2011 год. Всего было издано семьдесят томов.

Анри Корбен, живший с 1903 по 1978 год, был одним из ключевых участников «Эраноса». Французский философ и востоковед, исследователь иранского мистицизма, суфизма и шиитского гнозиса, Корбен получил философское образование в Сорбонне, а также изучал арабский, персидский и турецкий языки в парижской Школе восточных языков.

Значительную часть своей жизни он провёл в Тегеране, сотрудничая с Франко-иранским институтом. Его диалог с Алламой Табатабаи основывался, в частности, на убеждении, что подлинная духовная традиция ислама недостаточно представлена на Западе, поскольку западное востоковедение слишком часто рассматривало её односторонне.

За годы научной деятельности Корбен опубликовал более тридцати книг, множество исследований и переводов исламских источников на французский язык как в Тегеране, так и в Париже.

Он переводил и комментировал произведения великих мыслителей Востока, среди которых Шихаб ад-Дин Яхья Сухраварди, Мулла Садра Ширази и Ибн Араби. В 1954 году Корбен возглавил исследовательское направление, посвящённое исламу и религиям арабского мира, в парижской École pratique des hautes études.

В 1974 году он основал Международный центр сравнительных исследований религий при Университете Святого Иоанна в Иерусалиме. Корбен принадлежал к числу немногих западных исследователей, сумевших постичь подлинную сущность восточной философии. Особое значение его труды приобрели тогда, когда в шиитской традиции он увидел возможный оплот против духовных опасностей секуляризации и десакрализации, ведущих западный мир к нигилизму.

Корбен известен прежде всего своими фундаментальными исследованиями иранского суфизма. Он сыграл решающую роль в открытии западному читателю духовных и философских традиций Востока и того особого понимания активного воображения, которое сложилось в этих традициях.

Если ислам связывает участь человека в загробном мире с его поведением в земной жизни, то для суфизма вопрос о будущем рае не сводится исключительно к земным поступкам человека. В центре суфийского учения находятся отношения человека со Всевышним и пути мистического познания.

Суфизм подробно разработал аскетические практики, неразрывно связанные с метафизикой, её ступенями, процессами и конечными целями.

Наряду с понятием Человека света Корбена глубоко занимала идея визионерского воображения, получившая развитие в суфизме и особенно в школе Ибн Араби.

Воображение как связующее звено между Творцом и творением играет ключевую роль в мистическом опыте. Во время молитвы Творец является мистiku в той форме, которую способна создать для него его духовная энергия *himma*.

Именно с этим, согласно Корбену, связано визионерское воображение.

Mundus Imaginalis

Центральным понятием философии Анри Корбена является *Mundus Imaginalis*, мир души, занимающий промежуточное положение между миром интеллекта и чувственно воспринимаемым миром.

В работе *Mundus Imaginalis, or the Imaginary and the Imaginal* Корбен объясняет, почему ему понадобилось ввести особое слово *imaginal*.

Он пишет, что, несмотря на все попытки вернуть воображению его истинное значение, слово *imaginary* в современном употреблении неизбежно стало означать «нереальное», нечто пребывающее за пределами бытия и существования, иначе говоря, нечто утопическое. Поэтому Корбену понадобился другой термин.

Он обращается к персидскому выражению *Nâ-Kojâ-Âbâd*, «страна Нигде». Но это «Нигде» не имеет ничего общего с утопией.

Корбен приводит в пример опыт визионера, которому является существо сверхъестественной красоты. Визионер спрашивает его, кто он и откуда пришёл.

Подобные повествования выражают саму сущность гностического опыта. Они предстают как личная история странника или пленника, стремящегося вернуться на родину.

В одном из приводимых Корбеном свидетельств мистик говорит о созерцании Господа «оком достоверности». Всё иное отступает, и человека озаряет Божественный свет. Собственный свет меркнет перед Его светом, собственная сила перед Его силой. Человек начинает видеть себя через Него и постигает Истину посредством самой Истины.

Здесь речь идёт уже не о познании извне. Это знание рождается изнутри самого света.

В начале повествования Сухраварди «Пурпурный ангел» узник, только что вырвавшийся из рук своих стражей, то есть на время покинувший мир чувственного опыта, оказывается в пустыне. Там он встречает Ангела и начинает расспрашивать его. Ангел отвечает, что пришёл с горы Каф.

«Оттуда, где вначале был и ты сам и куда вернёшься, когда окончательно освободишься от своих оков».

Гора Каф представляет собой космическую гору, сложную систему небесных сфер, вложенных одна в другую.

Но как выйти за её пределы? И сколько времени займёт этот путь?

Ответ Ангела парадоксален. Сколько бы ты ни шёл, в конце концов окажешься там, откуда начал.

Подобно стрелке компаса, неизменно возвращающейся к одной точке.

Легко ли оставить своё привычное «я есть», чтобы обрести истинного себя?

Между началом пути и возвращением должно произойти великое событие, способное изменить всё.

И тот, кого человек встретит по ту сторону горы Каф, будет им самим, но уже иным собой.

Корбен подчёркивает, что речь здесь идёт о сугубо духовных реальностях, а не об астрологической схеме. Небесные сферы называются «горами» потому, что инициатический рассказ о Пурпурном ангеле описывает прежде всего вертикальное движение вдоль Оси Мира, движение, совпадающее с трансцендированием.

Сам Пурпурный ангел оказывается существом пограничного света.

Странник видит перед собой существо необычайной красоты, лицо которого словно озарено юношеским румянцем. Но Ангел отвечает ему словами «Как можешь ты называть меня юношей, меня, первенца Творца?»

Его пурпурный цвет рождается на границе двух состояний, подобно рассвету и сумеркам, которые уже не принадлежат полностью ни дню, ни ночи.

Одна сторона обращена к Дню, другая к Ночи.

По своей природе Ангел светел и бел. Но соприкосновение света с тьмой придаёт ему пурпурный оттенок.

Так возникает образ промежуточного мира, который не является ни чистым светом, ни материальной тьмой, но соединяет их и делает возможным переход между ними.

По ту сторону горы Каф, на самой её вершине, человек встречает самого себя во втором лице. Но чтобы эта встреча состоялась, необходимо, подобно мистiku-пророку, погрузиться в Источник Жизни.

«Тот, кто постиг смысл Истинной Реальности, достиг этого Источника. Выйдя из него, он обретает способность, подобную бальзаму. Капля его собирается на ладони, обращённой к солнцу, и тогда свет проходит сквозь ладонь. Если ты Хизр, ты также без труда пройдёшь сквозь гору Каф».

Корбен приводит ещё два мистических повествования, в которых называется место, находящееся «по ту сторону горы Каф». Уже само его название указывает на переход. Космическая гора превращается в психокосмический рубеж, а физический космос уступает место первому уровню духовной вселенной.

В рассказе Сухраварди «Шелест крыльев Гавриила» Ангел отвечает:

«Я прихожу из Nâ-Kojâ-Âbâd».

Тот же ответ звучит и в другом произведении. Когда странника спрашивают, какой горизонт он пересёк, чтобы прийти сюда, он отвечает:

«Я пришёл из Nâ-Kojâ-Âbâd».

Само выражение Nâ-Kojâ-Âbâd отсутствует в классических словарях, что свидетельствует о его уникальности. По мнению Корбена, Сухраварди создал его из слов чистого персидского языка. Âbâd означает город, страну, обитаемую землю, а nâ-kojâ означает «нигде».

На первый взгляд возникает аналогия с утопией, «местом, которого нет». Но такое толкование было бы ошибочным.

Для Сухраварди Nâ-Kojâ-Âbâd обозначает пространство по ту сторону горы Каф, где находятся таинственные города Джабалка, Джабарса и Хуркаля.

Эта область начинается за «выпуклой поверхностью» Девятой Сферы, там, где человек покидает пространство, определяемое привычными космическими координатами.

Переступив границу высшей Сферы, мы уже не можем задавать вопрос «где?» (kojâ?) в том смысле, в каком задаём его внутри чувственно воспринимаемого мира.

Поэтому Nâ-Kojâ-Âbâd не является несуществующим местом.

Это место вне нашего «где». Пространство, которое невозможно определить координатами физического мира.

Понятие Nâ-Kojâ-Âbâd неразрывно связано с отношением между двумя измерениями реальности, внешним, видимым и внутренним, невидимым.

Внешнее, zâhir, представляет собой явленную сторону мира, доступную нашим чувствам.

Внутреннее, bâtin, является его сокрытой стороной, открывающейся лишь духовному зрению и восприятию.

Это два слоя одной реальности. Внешнее скрывает внутреннее так же, как скорлупа миндаля скрывает его ядро.

Выйти за пределы категории «где» (ubi) означает выйти за пределы внешних, физических явлений и проникнуть в сокрытую внутреннюю реальность.

Для гностика и мистика такой переход означает движение к более глубокой духовной истине, возвращение к первоначальной внутренней сущности.

Это путешествие подобно возвращению домой, к духовному истоку, где странник вновь встречается со своим истинным внутренним «я».

Для Странника, или Гностика, движение к Nâ-Kojâ-Âbâd становится путём духовного очищения и возвращения к внутренней истине.

Чтобы пройти этот путь, необходимо распознать и преодолеть внешние иллюзии и тем самым приблизиться к подлинному пониманию внутренней реальности.

Поэтому путь к Nâ-Kojâ-Âbâd не является географическим перемещением.

Это прежде всего духовное странствие, путь самопознания и внутреннего преобразования.

В сущности, это поиск истинного знания, лежащего за поверхностью впечатлений материального мира. Это возвращение к духовному истоку, к той изначальной сущности, которую непрестанно ищет душа.

Так Nâ-Kojâ-Âbâd становится символом внутреннего предназначения человека, возвращения к истинному себе, освобождённому от иллюзий и оков внешнего мира.

Корбен говорит о глубоком преображении, которое происходит при переходе от внешней реальности к внутренней.

То, что прежде казалось внутренним, сокрытым и заключённым внутри нас, меняет своё положение. Теперь оно само охватывает и заключает в себе внешнюю реальность.

Образно это можно представить в виде бутылки Клейна. Внутренняя духовная реальность перестаёт быть лишь частью внешнего материального мира. Напротив, именно она становится первичной и всеобъемлющей, тогда как материальная реальность оказывается внутри неё, лишь одним из её проявлений.

У духовной реальности нет определённого «где» (ubi) в привычном для нас смысле.

Она сама является местом вещей.

По отношению к чувственному пространству её место находится в Nâ-Kojâ, «нигде», именно потому, что в отношении этого пространства она оказывается повсюду, *ubique*.

Духовная реальность не располагается в какой-либо одной точке. Она пронизывает и объемлет всё существующее.

Осмысление Nâ-Kojâ-Âbâd, по Корбену, позволяет увидеть принципиальную разницу между визионерским восприятием мистиков и тем, что современный язык склонен относить к области «фантастического».

Визионерский опыт не является утопической фантазией. Это духовный опыт, обладающий собственной топографией и собственной внутренней логикой.

Однако, чтобы понять Nâ-Kojâ-Âbâd, западному человеку необходимо преодолеть то, что Корбен называет «агностическим рефлексом». Именно этот рефлекс разрывает связь между мыслью и бытием и тем самым лишает современного человека способности понимать духовный опыт как реальность.

Современная западная мысль склонна отделять интеллектуальные понятия от экзистенциального переживания. В результате возникают теории, которые либо вовсе отказываются признавать духовную реальность, либо сводят духовный опыт к субъективной иллюзии.

Но понять природу духовного опыта невозможно, оставаясь исключительно в границах физического мира.

Пока мы ограничиваем себя только физической вселенной, мы остаёмся, по выражению Корбена, «по эту сторону горы Каф».

Традиционная космология исламских теософов открывает совершенно иную картину. Это множество вселенных, пространства между ними и промежуточные миры, находящиеся «по ту сторону горы Каф».

Но что это за миры?

Знакомство с Сухраварди стало для Корбена поворотным событием, во многом определившим главное направление его исследований.

Сухраварди и его последователи утверждали онтологическую реальность «третьего мира», расположенного между миром чувственным и миром умопостигаемым.

Только существование такого мира позволяет выйти из этой дилеммы, избежать как абстрактного спиритуализма философов, так и буквализма богословов и тем самым приблизиться к пониманию духовной истины коранической эсхатологии и пророческих видений.

Сфера неподвижных звёзд символически обозначает границу между ангелическим миром света и духа, ruhabad, и тонким материальным миром, barzakh.

Понятие barzakh занимает важнейшее место в философии Сухраварди. Barzakh представляет собой абсолютную тьму, возникающую там, откуда отступает свет. По отношению к свету она воплощает чистую ахриманическую негативность.

Но именно здесь свет ангелов воздействует на тьму, рождая формы и не смешиваясь с нею.

Каждое существо является образом своего Ангела, результатом теургического воздействия Ангела на barzakh, который сам воплощает смерть и ночь.

Свет воздействует на тьму, но не соединяется с ней в единую субстанцию.

Сухраварди тем самым предлагает космологию, принципиально отличную от аристотелевской. Форма возникает не вследствие смешения света и тьмы, а благодаря воздействию света на тьму.

Согласно Сухраварди, Вселенная раскрывается на нескольких уровнях.

Мульк, 'Ālam al-Mulk, представляет собой мир небесных и подлунных сфер. Это чувственно воспринимаемый мир, мир явлений, включающий как земную область, управляемую человеческими душами, так и звёздную вселенную, управляемую Душами сфер.

Это уровень тела и чувств.

Малакут, 'Ālam al-Mithāl, представляет собой мир светов, управляющих телами и небесными душами. Это сверхчувственный мир Души, мир Ангелических Душ. Именно здесь находятся таинственные города, о которых говорилось выше. Начинается этот мир «на выпуклой поверхности» Девятой Сферы.

Это уровень души и воображения.

Джабарут, 'Ālam al-Jabarūt, представляет собой вселенную чистых архангельских интеллектов, материнских светов и архангельских светов высших порядков.

Это уровень интеллекта и духа.

Между интеллектуальным миром световых существ и чувственно воспринимаемым миром находится 'Ālam al-Mithāl, мир Образов.

Но это не платоновский мир идей.

Это мир форм и образов, пребывающих словно «в подвешенном состоянии». Они не заключены в материальном субстрате, но обладают собственной реальностью и становятся местом явления.

Мулла Садра Ширази включает этот мир образного сознания в Малакут, благодаря чему Вселенная раскрывается как трёхчастная структура.

Сухраварди создаёт онтологию этого промежуточного мира, имеющую особое значение для понимания посмертного существования.

'Ālam al-Mithāl выполняет три функции.

Здесь находится место Воскресения, поскольку именно здесь пребывают тонкие тела.

Здесь подтверждается истинность пророческих символов и визионерского опыта.

Именно здесь становится возможным ta'wīl, духовное истолкование Откровения, возвращающее его к первоисточку.

По Корбену, именно в этом промежуточном мире разрешается противостояние между философией и теологией, знанием и предположением, мифом и историей.

Восточная теософия открывает третий путь, освобождая человека от необходимости выбирать между отвлечённой философской теорией и теологическим авторитаризмом.

Утрата промежуточного мира, проявившаяся, в частности, в аверроизме, приводит к разрыву между Востоком и Западом.

Смысл символических инициатических повествований Сухраварди открывается лишь в перспективе этого промежуточного мира. Личная история мистика переносится в сверхчувственную реальность, в мир событий души.

Поэтому эти повествования не являются аллегориями.

Это священная история, недоступная обычным чувствам. Она совершается в мире Малакута, который, в свою очередь, определяет события внешнего мира и исторического времени.

Особенно ясно это проявляется в произведении Сухраварди «Рассказ о западном изгнании».

«Рассвет» восточной теософии призывает Гностика осознать своё «западное изгнание» и вернуться к его истоку, на Восток.

Такое осознание предполагает автономное существование *Mundus Imaginalis* и полноту имажинального сознания.

Чем сильнее желание достичь определённого места, тем быстрее человек там оказывается. Чем слабее желание, тем дольше длится путь.

Само путешествие словно сокращается или удлиняется в соответствии с желанием.

Таким образом, расстояния и пространства духовного мира находятся в полном соответствии с внутренними состояниями духовных существ.

Это описание непосредственно перекликается с *Nâ-Kojâ-Âbâd* и её таинственными городами.

Мы имеем дело с двумя различными видами пространства, физическим и духовным. Невозможно переносить законы одного на другое.

В духовном пространстве отношение переворачивается. Уже не тело заключает в себе душу, а душа заключает в себе тело.

Поэтому невозможно сказать, «где» находится душа в обычном пространственном смысле.

Душа не находится в месте. Она сама создаёт место.

Её *ubi*, её «где», становится *ubique*, «повсюду».

Иногда духовный и физический миры символизируют друг друга. Но переход от одного к другому невозможен без своеобразного скачка.

Многочисленные свидетельства описывают этот опыт сходным образом. Человек отправляется в путь и в какой-то момент обнаруживает, что привычные карты больше не действуют.

Осознание приходит позже, иногда с тревогой, иногда с радостью.

Если бы путешественник понял это сразу, возможно, он смог бы вернуться сам или указать путь другим. Но переживший подобный опыт способен лишь описать место, в котором оказался. Показать другому дорогу туда он не может.

Как же, согласно Корбену, человек входит в Восьмой Климат?

Какой орган позволяет совершить этот переход, этот переворот, возвращение от внешнего к внутреннему?

Это не физические чувства.

Не способности телесного организма.

И не чистый интеллект.

Это промежуточная сила, выполняющая главную посредническую функцию, визионерское воображение.

Это различие необходимо понимать совершенно точно.

Речь идёт об органе, который позволяет внутренним духовным состояниям обрести внешнее выражение, а видениям стать явлениями, символизирующими эти внутренние состояния.

Именно посредством такого преобразования совершаются все движения в духовном пространстве.

Более того, само это преобразование создаёт пространственность.

Оно создаёт пространство и определяет существующие в нём расстояния, близость и удалённость.

Из этого Корбен выводит несколько важнейших положений.

Первое положение заключается в том, что воображение представляет собой чисто духовную способность, независимую от физического тела и потому способную продолжать существование после его смерти.

Мулла Садра подчёркивает, что душа независима от тела как в мышлении, так и в воображении и деятельности.

Даже после отделения от тела душа продолжает пользоваться визионерским воображением, посредством которого воспринимает и формирует существование вещей в своём познании и воображении.

Это означает, что сознание и его объекты неразрывно связаны.

После отделения от тела все силы души сосредоточиваются в визионерском воображении. Поскольку оно больше не отвлекается на чувственные восприятия физического тела и его потребности, его превосходство над обычным чувственным восприятием раскрывается в полной мере.

В качестве примера приводятся слова Муллы Садры.

«Все способности души становятся словно единой способностью, способностью придавать форму и образ. Имагинальное восприятие души можно назвать чувственным восприятием нечувственного. Её имагинальное восприятие подобно чувственному восприятию. Поэтому её слух, обоняние, вкус и осязание, все имагинальные чувства, подобны соответствующим чувственным способностям, но принадлежат сверхчувственному миру. Подобно тому как во внешнем мире существуют пять видов чувственного восприятия, каждый со своим телесным органом, во внутреннем мире они соединяются в одно».

Мулла Садра отождествляет воображение с *currus subtilis*, «тонкой колесницей», своего рода носителем, «тонким телом» души, *jism mithali*.

Мулла Садра развивает целостное учение об этом теле, которое называет также «телом воскресения». В этом он расходится с Авиценной, полагавшим, что деятельность воображения после смерти аналогична тому, что происходит с нами во сне при жизни. Ведь во время сна сила воображения всё ещё испытывает воздействие физических процессов тела.

Изречение «Люди спят; когда они умрут, они пробудятся», которое приписывают то Пророку, то Первому имаму шиитов, имеет иной смысл.

В противном случае сон был бы просто пробуждением в другом мире.

Здесь же смерть понимается как пробуждение от иллюзорного состояния к истинной реальности.

Второе положение заключается в том, что визионерское воображение является важнейшей познавательной силой, органом подлинного познания.

Воображение и имагинальное восприятие играют определяющую роль в принадлежащем им мире, *‘Ālam al-Mithāl*, или *Mundus Imaginalis*.

Это мир мистических городов, подобных Хуркалье, мир, где время способно течь вспять, а пространство возникает благодаря силе воли.

Воображение связано с двумя другими способами познания, чувственным и интеллектуальным.

Именно эта связь придаёт ему внутренний порядок и не позволяет превратиться в бесцельное блуждание фантазии. Благодаря этому порядку воображение способно исполнить своё истинное предназначение и стать источником видений, подобных тем, о которых повествует Сухраварди.

Любое путешествие в мистический мир возможно только посредством воображения.

По Корбену, когда воображение начинает бесцельно блуждать и перестаёт выполнять свою задачу, воспринимать внутреннюю реальность и создавать для неё символические формы, это означает, что оно утратило сознание *Mundus Imaginalis*, царства Малакута, мира Души.

На Западе начало упадка воображения можно отнести к эпохе, когда аверроизм отверг аристотелевскую космологию с её промежуточными ангельскими иерархиями.

Небесные Ангелы, находившиеся ниже Ангелов-интеллектов, обладали чистой имажинальной силой. Когда человек перестал воспринимать существование этих Душ, сама функция воображения оказалась обесценена.

Именно этим объясняется предостережение Парацельса. Не следует смешивать визионерское воображение, о котором говорили алхимики, с фантазией, «основанием безумия».

Корбен подчёркивает, что повествования Сухраварди, как и шиитские предания о достижении «страны Сокрытого Имама», не являются фантастическими.

Восьмой Климат не является утопией в привычном смысле слова.

Этот мир находится за пределами научной верификации, поскольку принадлежит сверхчувственному порядку. Воспринять его можно лишь посредством визионерского воображения, а пережить происходящие в нём события посредством имажинального сознания.

В этом контексте воображение уже не просто фантазия.

Оно обладает подлинной познавательной ценностью.

Если сегодня мы способны говорить о воображении лишь как о пустой фантазии, то потому, что утратили дисциплину и правила, обеспечивавшие его познавательную функцию.

Мир, описанный восточными теософами, реален и организован даже более строго, чем наш физический мир.

Люди, рассказывавшие о своих путешествиях туда, сохраняли ясное сознание и вполне отдавали себе отчёт в том, что находятся «где-то ещё». Их нельзя считать душевнобольными только потому, что пережитая ими реальность недоступна обычному чувственному восприятию.

Этот мир сокрыт от наших чувств, но от этого он не перестаёт быть реальным.

Поэтому называть его «воображаемым» в современном смысле, то есть нереальным или несуществующим, было бы ошибкой.

Корбен пишет

«Прежде всего нам следует спросить себя, что мы называем “реальным”. Ведь, утратив ту реальность, мы оставили себе лишь мир фантазии или утопии. Затем следует спросить, какова была реальность традиционных мыслителей Востока, позволявшая им проникать в “Восьмой Климат”, в *Nâ-Kojâ-Âbâd*? Как могли они покинуть чувственно воспринимаемый мир, не покидая реальности, и, более того, именно таким образом достичь истинной реальности?»

Это становилось возможным благодаря представлению о многоуровневом бытии, гораздо более сложном, чем мы привыкли считать.

Не следует думать и о том, будто наши западные предшественники понимали воображение исключительно рационально или интеллектуально.

До тех пор пока мы не вернём себе космологию, подобную восточной, космологию множественности миров, наше воображение будет оставаться рассеянным, а его связь с человеческим стремлением к всемогуществу будет становиться источником страха.

Корбен считает, что нам необходима новая дисциплина воображения.

Но обрести её невозможно, пока мы понимаем эту дисциплину лишь как способ провести границу между воображением и реальностью.

Наша современная реальность оказывается значительно уже реальности традиционных философов, и вместе с этим сужением неизбежно обесценивается само воображение.

Отсюда возникают вопросы.

Неужели *Mundus Imaginalis* должен неизбежно исчезнуть, уступив место фантастическому?

Неужели секуляризация воображения неизбежно приводит к тому, что оно наполняется чудовищными, нелепыми и уродливыми образами?

В традиционной культуре Востока искусство и воображение, напротив, отличались серьёзностью, глубиной и значительностью.

Наши утопии и научная фантастика не способны выйти за пределы нашего мира и достичь *Nâ-Kojâ-Âbâd*.

Тот, кому знаком Восьмой Климат, не нуждается в утопиях.

Сама шиитская мысль не была ни социальной, ни политической фантазией.

Она эсхатологична именно потому, что представляет собой ожидание и одновременно предполагает реальное присутствие здесь и сейчас в ином мире, свидетельство этого мира.

В современной культуре формы часто утрачивают свой глубинный смысл и превращаются в простые изображения.

Корбен задаётся вопросом, не приводит ли это к тому, что человек утрачивает саму способность воображения и способен производить лишь пустые фантазии?

Могло бы существовать всё богатство форм восточных повествований без лежащих в их основании первичных символов, тех, которые трудно объяснить, но чьё воздействие невозможно отрицать?

И разве могущественные символы, герметические и каббалистические эмблемы, буддийские мандалы, не свидетельствуют о том, что имагинальный мир может обладать не меньшей реальностью, чем наш физический мир?

В поисках ответа на вопрос об объективной реальности сверхчувственных Лиц Корбен обращается к тексту Вилье де Лиль-Адана, который говорит о невозможности увидеть непостижимого Вестника телесными глазами.

«Его лик... мог быть воспринят лишь сознанием. Живые существа способны воспринимать лишь воздействия, заключённые в архангельской сущности».

И далее

«Ангелы сущностно существуют лишь в чистой тонкости абсолютного Неба, где реальное едино с идеальным... Вовне они проявляются только в том экстазе, который пробуждают и который заключён в них самих».

Корбен полагает, что последние слова, «экстаз, заключённый в них самих», обладают почти пророческой ясностью.

Они способны устранить препятствие, парализовавшее «агностический рефлекс» современного западного человека, иначе говоря, разрушить взаимную изоляцию сознания и объекта, мысли и бытия. Здесь феноменология становится онтологией.

Несомненно, именно это положение лежит в основе учения восточных мыслителей об имажинальном. Не существует никакого внешнего критерия явления Ангела, кроме самого этого явления.

Ангел представляет собой состояние экстаза, изменение самого нашего бытия.

Этим же объясняется тайна сверхчувственного существования Сокрытого Имама в шиитском сознании. Имам есть экстаз этого сознания. Тот, кто не пребывает в соответствующем духовном состоянии, не способен его увидеть.

Именно об этом говорит Сухраварди в «Пурпурном ангеле».

«Если ты Хизр, ты также без труда пройдёшь на другую сторону горы Каф».

Световой человек, светоносная ночь и цвета

Из анализа трудов Корбена становится ясно, что речь идёт о реальном месте, для восприятия которого необходим особый орган, активное воображение.

Но что происходит, когда человек начинает восхождение в собственный внутренний мир?

Изучая тексты восточных мыслителей, Корбен приходит к выводу, что в человеке существует Сокрытый Имам, священный духовный проводник, который вместо священников, наставников и учителей ведёт пробудившегося человека по его собственному, неповторимому пути.

В разных традициях это световое Лицо получает разные имена. Совершенная Природа, Наставник, Мудрец, Ангел, личный Бог, внутренний Христос, сократовский даимон, Сокрытый Имам, Двойник.

Земной, «горизонтальный» человек находится во власти судьбы и общественного мнения.

Но существует и другое его лицо, световое, близкое и духовное, свет.

Это наша Совершенная Природа, наш внутренний свет.

Тот, кто познаёт самого себя, познаёт своего Бога.

Это означает, что познание является творческим и плодотворным актом. Речь идёт не об утверждении «я Бог», а о другом.

«Я рождаю Бога в себе».

Так формируются личные отношения человека с его личным Богом.

Корбен обращается к образу двух птиц, сидящих рядом. Одна вкушает сладкую ягоду, другая смотрит на неё, не прикасаясь к плоду.

Человек обращает взор к своему внутреннему Свидетелю. По мере этого созерцания всё несовершенное отпадает и исчезает. Человек сливается со своим внутренним Двойником, становится им и сам начинает вкушать эти плоды.

Сокрытый Имам вводит человека в имажинальный мир, не в платоновский мир идей, а в мир Форм.

Этот мир предполагает, что каждая человеческая индивидуальность имеет доступ к трансцендентному измерению и благодаря своей творческой силе обладает непреходящей ценностью в масштабе Вселенной.

Достижение состояния мистического экстаза защищает духовного, Светового человека от попыток подчинить его внутренний мир требованиям социальной среды.

Совершенная Природа есть Хранитель, Наставник, Голос, Свидетель истины.

Световой человек является носителем сакрального измерения бытия.

Посредством визионерского воображения он преобразует трёхмерное пространство и линейное время мифологического мира в подлинное бытие, возвращая истине её непосредственность, близость и внутреннюю субъективность.

Именно это отличает человека от искусственного интеллекта и утверждает его как подлинно духовное существо.

Молитва есть акт творческого воображения.

В такой системе уже нет необходимости противопоставлять веру знанию, потому что духовность здесь не просто знание, а творчество.

На вершине духовного восхождения небеса становятся мистическими, и человек становится их частью.

Как суфии достигали этого состояния?

Одним из наиболее действенных путей был зикр, непрестанное памятование о Боге, непрерывная молитва.

Это мог быть безмолвный зикр, совершаемый в сидячей молитвенной позе *jalsa*, или громкий зикр, сопровождаемый круговым движением, а также ритуальный танец *сама*.

Зикр приводит к зарождению, а затем к возрастанию света внутри человека.

Этапы развития этого светового организма отмечены явлениями различных цветов, пока внезапно не возникает частица Божественного света, Световой человек.

Тогда мистику открывается

«То, чего не видел глаз, не слышало ухо и что не приходило на сердце человеку, то, что Бог приготовил любящим Его».

Иными словами, ему открывается то, что не способно войти в сердце человека, пока тот погребён в могиле своего физического существования.

Свет огня зикра позволяет нам видеть во тьме.

И эта способность видеть свидетельствует о том, что сердце освобождается, выходит из колодца природы.

Однако, как говорит Сухраварди, выйти из него способен лишь тот, кто «держится за вервь Корана и за край зикра».

На последней ступени зикр настолько глубоко соединяется с самой сущностью мистика, что, даже если мистик оставит зикр, зикр уже не оставит его.

Почему ночью небо прозрачно?

Чёрный свет невидим, потому что именно он делает возможным видение.

Корбен описывает чёрный свет как Божественную тьму, предшествующую материи, пространство, в котором сверхсознание способно раскрыть свою истинную природу.

Эта тьма не есть зло.

Напротив, она выражает сокрытую Божественную сущность, стремящуюся к проявлению.

Чёрный свет нельзя увидеть, потому что благодаря ему мы видим. Он не может стать объектом, поскольку сам является абсолютным Субъектом, ослепительным сверхсознанием.

Видение чёрного света означает состояние сверхсознания, в котором мистик оказывается объят ослепительной близостью Божественного.

Это состояние соответствует растворению в Боге.

Лахиджи, следуя поэтическому тексту, выделяет три момента духовного становления.

Первый заключается в попытке постичь смысл чёрного света.

Второй связан с переживанием сверхсознания, определяемого отсутствием обычного сознания, которое, однако, само является сознанием.

Третий состоит в осуществлении светоносной Ночи.

Сотворённое бытие есть завеса между Престолом и сердцем.

Когда эта завеса разрывается и врата Престола открываются сердцу, свет восходит к свету, и свет нисходит на свет.

Это и есть свет поверх света.

Целостность «света поверх света» не является соединением света и тьмы. Это Божественная целостность.

Корбен пишет, что, когда перед человеком открывается безбрежное пространство с прозрачным воздухом и разноцветными горизонтами, это свидетельствует о духовном странствии.

Зелёный, красный, жёлтый и синий цвета соответствуют духовным состояниям, переживаемым во внутреннем мире.

Зелёный означает жизнь сердца.

Ярко-красный огонь означает духовный огонь, энергию и творческую силу.

Тусклый огонь свидетельствует об истощении в борьбе с низшим «я» и Сатаной.

Синий связан с низшим «я».

Жёлтый связан с расслаблением.

Но эти цвета не просто символы.

Они отражают сверхчувственные реальности, взаимодействующие с человеком на уровне внутреннего чувства и духовного зрения.

Два свидетеля этого опыта, внутренние чувства и духовное зрение, подтверждают истинность переживаемых человеком состояний.

На начальном этапе духовного восприятия человек сосредоточен на образах чувственного мира. Затем он начинает непосредственно воспринимать Лица и сущности, и это восприятие сопровождается цветными световыми явлениями.

Ум, словно охотник, пытается уловить эти сверхчувственные реальности посредством воображения и представления, а видение выполняет здесь роль охотничьей собаки, ведущей его по следу.

Корбен утверждает, что новые чувства способны непосредственно воспринимать тот порядок реальности, которому они соответствуют.

На этой ступени человек осознаёт иллюзорность прежнего чувственного восприятия и открывает иной способ чувствования, особое воображение, принципиально отличное от фантазии.

Теперь духовные реальности воспринимаются в цвете благодаря синхронности внутреннего зрения и цветового видения.

Это переломный момент.

Цветовые явления свидетельствуют о необратимом погружении в духовный опыт и о полном соответствии между внутренним состоянием и внешним видением.

Так первоначальные чувства преобразуются в сверхчувственные органы, световые органы человека, «частицы его Божественного света».

Все смыслы возвращаются к своему источнику, сердцу, излучающему зелёный свет, символизирующий жизненную силу сердца.

Внутренние небеса вновь озаряются пурпурно-красным светом, соответствующим уму.

Но существует и иное понимание Бога, иное измерение религии, царство внутреннего, *bâtin*.

Здесь вместо пары «верующий и Бог, созданный человеческими представлениями» возникает другая пара, Гностик, *‘ārif*, и его Возлюбленный.

Они неразрывно связаны силами Любви, и потому их бытие невозможно мыслить как нечто неподвижное и раз и навсегда установленное.

Все существа сосредоточены в поле Любви, в самом имагинальном, в промежуточной области визионерского воображения.

Корбен приводит слова, выражающие тайну этого взаимного движения.

«Всякий раз, когда сердце тоскует по Престолу, Престол тоскует по сердцу, пока наконец они не соединятся... Всякий раз, когда свет восходит от тебя, свет также нисходит на тебя... И если силы их равны, они встречаются на полпути между небом и землёй».

Если же свет внутри человека возрастает и становится единым целым, родственная ему небесная световая сущность начинает стремиться к человеку, потому что его собственная сущность притягивает её.

Тогда она нисходит к нему.

В этом заключается тайна мистического становления.

Философская концепция профессора Панайотиса Дойкоса

Панайотис Дойкос, философ и поэт. Он изучал философию в Университете Аристотеля в Салониках и в Бургундском университете во Франции.

Его исследования охватывают онтологию, теорию познания и эстетику. Он является создателем философской теории активного воображения и руководит Лабораторией философских исследований имажинэра Университета Аристотеля в Салониках.

Особое место в его работах занимают философия иранского суфизма, наследие Анри Корбена и проблема визионерского воображения.

Дойкос рассматривает активное воображение как один из путей преодоления нигилизма и разрабатывает собственную философскую концепцию этого процесса.

По его мысли, человек должен обнаружить в себе иное измерение собственной личности, встретиться с ним и понять, каким образом его пробуждение способно привести к преодолению нигилизма.

Необходимо установить связь между нашим нигилистическим «я» и тем измерением «я», которое нигилизму не принадлежит.

Именно через встречу этих двух измерений самого себя становится возможным преодоление нигилистического состояния.

Дойкос говорит о двух измерениях человеческого «я».

Их различие непосредственно связано со статусом воображения, с тем, как именно человек входит в пространство воображения и каким образом его «я» существует в нём.

Между нигилизмом и нашим существованием во внешнем мире существует связь. Без неё преодоление невозможно.

Нигилистическое и ненигилистическое измерения нашего «я» существуют не в разных местах, а на разных уровнях одной реальности.

Поэтому чувственно воспринимаемая реальность должна быть соединена с реальностью абстрактной.

Между ними существует онтологический разрыв, ничто.

Абстрактная реальность остаётся отделённой от чувственной, если последняя не переживается как внутренняя.

Наше тело и наши движения во внешнем мире предельно конкретны.

Смыслы и понятия абстрактны.

Между ними необходимо установить связь, чтобы напряжение абстрактного смысла могло войти в чувственное тело, воплотиться в чувственном движении.

Такая встреча возможна лишь в особом порядке реальности, где чувственное и абстрактное способны соединиться.

Так мы приходим в собственный мир, невидимый извне, мир воображения.

Именно этот порядок реальности Дойкос называет «пространством-временем активного воображения».

Здесь становится возможной любая степень поэтической встречи между смыслом и чувственно воспринимаемой формой.

События, переживаемые в этом пространстве, обладают онтологической автономией по отношению к внешнему миру, хотя не каждое событие воображения обладает ею в равной степени.

Активное воображение представляет собой пространство-время, в котором раскрывается бесконечный спектр воплощения смыслов в чувственные формы.

Дойкос открывает перед нами воображение, которое одновременно мыслит и чувствует.

Благодаря способности лично воспринимать смысл вещей и передавать его человеку такое воображение способно создавать подлинные события в невидимом.

Оно мыслит существа как формы, способные мыслить и чувствовать собственную связь с другим.

И поскольку это воображение активно, оно не только видит и внутренне переживает события, но одновременно схватывает их связь с внешней реальностью.

По самой своей природе эта синхронность осуществляется в ином, трансцендентном измерении, определяющем пространство-время активного воображения.

Это личное пространство-время, в котором наши души непосредственно встречаются друг с другом.

В книге «Политика воображения» Дойкос пишет

«Ни одно действие власти, положительное или отрицательное, не может осуществиться во внешней реальности, если прежде оно не обрело форму в воображении».

Это означает, что качество власти первоначально проявляется именно в невидимом мире воображения.

Отношения власти между людьми могут принимать две формы. Либо это стремление к прозрачности и взаимности, либо безжалостное господство и подавление.

Переход от второй формы к первой требует мужества.

И именно этот переход Дойкос называет политической задачей в условиях нигилизма, в котором мы живём.

Именно эта идея привела меня к размышлению о том, как философия Дойкоса соотносится со структурами имажинэра Анри Корбена и Жильбера Дюрана.

Я задалась вопросом, по какой логике человек оказывается на той или иной стороне и каким образом он может перейти из положения жертвы в положение творца?

Структуры и логика имажинэра в философии Жильбера Дюрана

L'imaginaire

Жильбер Дюран (1921–2012), социолог и философ, интеллектуально близкий Карлу Густаву Юнгу и Гастону Башляру и ученик Анри Корбена.

В 1940–1944 годах он активно участвовал во французском антифашистском Сопротивлении. Я нахожу этот факт символичным.

Будучи участником междисциплинарного круга «Эранос», Дюран стремился вернуть воображению то значение, которого оно долгое время было лишено в европейской рационалистической науке.

Он поместил исследование воображения в центр академической работы и разработал новый научный метод, объединяющий философию, социологию, психологию и антропологию.

В своём главном труде «Антропологические структуры имажинэра» Дюран изложил основные принципы социологии имажинэра. Его исследования стали основой для дальнейшего развития психологии и социологии воображения.

Сегодня центры исследования имажинэра существуют во многих странах мира. Один из главных центров сложился в Университете Гренобля II, где работал сам Дюран. В 1988 году он основал международный альманах *Les Cahiers de L'imaginaire*, ставший важной площадкой для обмена идеями и исследований в этой области.

Работы Дюрана продолжают влиять на современную научную мысль, способствуя более глубокому пониманию роли воображения в человеческой жизни и обществе.

Дюран утверждает, что жизнь человека во многом определяется его отношением к смерти, а это отношение, в свою очередь, формируется структурами *l'imaginaire*.

Если отбросить все вторичные обстоятельства и события человеческой жизни, останется одно, неизбежное приближение смерти.

Следовательно, события, которыми человек наполняет свою жизнь, становятся выражением его отношения к этой неизбежности.

То, как человек воспринимает смерть, формирует его жизненную позицию и само его видение окружающего мира.

Дюран пишет

«Воображение символизирует всё приключение человеческого духа, антропологический путь от предельного отчуждения к предельному воссоединению. Этот путь включает фазы продвижения и отступления, расширения и сосредоточения, раскрытия и замыкания. Он связан с фундаментальными полюсами мифа и символа, соответствующими дневному и ночному напряжению воображения».

С точки зрения Дюрана, воображение первично.

Своей динамической работой оно формирует и внутреннее измерение субъекта, и объекты внешнего мира.

Имажинэр в таком понимании не является вторичной копией уже существующей действительности. Напротив, он представляет собой ту реальность, посредством которой наш мир обретает формы и смыслы.

Понятие *l'imaginaire* включает в себя сразу несколько измерений.

Воображение как способность.

То, что мы воображаем, содержание, воссоздаваемое посредством воображения.

Тот, кто воображает, источник воображения.

Сам процесс воображения как действие.

Дюран подчёркивает, что воображение не является пассивным отражением реальности.

Это динамическая творческая сила, формирующая человеческий опыт и его культурные выражения.

Мифы и образы поэтому не являются примитивными остатками, которые рациональное сознание должно однажды преодолеть. Они непосредственно участвуют в становлении сознательной мысли, в конструировании реальности и в её понимании.

Trajet anthropologique

Дюран вводит одно из важнейших понятий своей теории, *trajet anthropologique*, антропологический путь, возникающий между субъектом и объектом.

Воображение позволяет человеку вступать с миром в преобразующее взаимодействие и тем самым преодолевать отчуждение, возникающее при исключительно объективирующем, рациональном взгляде на действительность.

Понятие *trajet anthropologique* придаёт самостоятельный онтологический статус тому, что существует между субъектом и объектом.

Само слово *trajet* восходит к латинским *trans*, «через», «между», и *jacere*, «бросать».

Поэтому *trajet anthropologique* можно представить как своеобразное «брошенное между» субъектом и объектом пространство, в котором и возникают их идентичности.

Самое существенное происходит именно здесь, в антропологическом пути, динамика которого одновременно создаёт наблюдающего и наблюдаемое.

Воображение формирует не только образы внешнего мира, но и самого субъекта, который эти образы воспринимает.

Воображение формирует не только образы внешнего мира, но и внутренние структуры сознания.

Объект и субъект становятся следствиями антропологического пути. Именно в нём они конституируются как определённые идентичности.

То, что мы видим и как мы это истолковываем, является результатом работы воображения в этом промежуточном пространстве.

Если перенести понятие *trajet anthropologique* в социологию, общество можно рассматривать как обобщённый социальный *trajet*.

В психоанализе человек предстаёт как *trajet anthropologique* коллективного бессознательного.

В обоих случаях человек оказывается функцией чего-то большего, чем он сам, того потенциального начала, которое не исчерпывается отдельным индивидом, но проявляет себя через него.

При этом Дюран подчёркивает, что антропологический путь может быть прослежен в обоих направлениях.

От физиологии к обществу.

Или от общества к физиологии.

Но между ними нет простой линейной причинно-следственной зависимости.

Человек необходим для того, чтобы осуществить потенциал, скрывающийся за действительным.

Общественное сознание и коллективное бессознательное реализуются через человека подобно тому, как язык реализуется в речи.

Поэтому человек обретает существование и смысл именно как *trajet anthropologique*. Вне этого динамического состояния он становится абстракцией, лишь гипотезой субъекта.

Будучи антропологическим путём, человек проявляет и осуществляет потенциал коллективного бессознательного и общественного сознания, создавая окружающий его мир посредством динамики собственного внутреннего воображения.

Воображение как ответ смерти

С точки зрения Дюрана, воображение есть ответ смерти.

Смерть, действующая посредством времени, означает неизбежное приближение конца существования.

Если освободить время от всего, чем его наполняет воображение, у него останется лишь одно безусловное содержание, движение к смерти.

Воображение заполняет пространство перед смертью.

Оно наполняет путь к ней всем, что мы видим, чувствуем, слышим, говорим, совершаем, строим и желаем.

Воображение наполняет время содержанием, событиями и смыслом.

Как писала Мария Бонапарт

«Жить во времени значит умирать от него».

Но именно посредством имагинэра человек способен противостоять времени и смерти.

Особое значение здесь приобретают ритуалы, связанные со смертью и временем.

Дюран рассматривает жертвоприношение как один из способов символического противостояния временной и смертельной угрозе. Оно выражает попытку овладеть судьбой посредством замещения и пророчества.

Так, смерть тирана может восприниматься как «смерть смерти», символическая победа над коллективной смертью.

Маски и ритуалы, возникающие в театре и живописи, также становятся средствами защиты от смерти.

Переход от религиозной формы к эстетической выражает движение человеческого духа, сопротивляющегося профанному разрушительному действию времени и смерти.

В основании этой структуры находится фундаментальная онтологическая пара, тот, кто создаёт образ, и смерть.

Из этой исходной двойственности рождаются бесчисленные пары мифа.

Она рассеивается и воплощается в историях, образах, символах, обрядах, обычаях, социальных институтах, человеческих отношениях и целых культурах.

Изучать Логос и его структуры можно через миф.

Миф не статичен. Он находится в постоянном движении и непрерывно обновляется, даже если его основные линии повторяются. Он вступает в диалектические отношения с другими структурами, может истощаться или, напротив, вновь наполняться живой энергией.

Для Карла Густава Юнга миф является одним из путей индивидуации.

Для Дюрана миф становится осью антропологического пути.

Миф составляет содержание l'imaginaire. Отдельные мифы внутри структуры общемирового мифа можно исследовать, сопоставлять и классифицировать.

Дюран разделяет содержание имагинэра на три большие группы мифов, объединённые в два режима.

Первый, le régime diurne, дневной режим.

Второй, le régime nocturne, ночной режим, который включает mystique, мистический ночной режим, и synthétique, синтетический, или драматический, ночной режим.

В основу этой типологии Дюран кладёт исследования русской физиологической школы, прежде всего работы Владимира Михайловича Бехтерева и Алексея Алексеевича Ухтомского.

Согласно Ухтомскому, доминанта предполагает подчинение других реакций организма той реакции, которая направлена на удовлетворение господствующей потребности.

Бехтерев, в свою очередь, полагал, что уже в младенческом возрасте рефлексы закладывают основные модели отношения человека к внешнему миру.

Рефлексы становятся способом установления относительно устойчивого равновесия между организмом и совокупностью воздействующих на него условий.

Для Дюрана это принципиально важно, поскольку такое «относительно устойчивое равновесие между организмом и совокупностью воздействующих на него условий» представляет собой trajet anthropologique, антропологический путь, или, по крайней мере, его материальное воплощение.

Различие между доминирующими рефлексам соответствует, по Дюрану, различию между мифологическими семьями, образующими содержание имажинэра.

Именно это соответствие позволяет связать психическое с физиологическим и тем самым заложить основания глубинной социологии.

Le régime diurne

Дневной режим строится на противостоянии и поляризации.

Свет противостоит тьме.

Жизнь противостоит смерти.

Порядок противостоит хаосу.

Для этого режима характерны героические и возвышенные образы, стремление к чистоте, ясности и порядку.

С физиологической точки зрения он связан с постуральной доминантой, рефлексам, определяющими положение тела в пространстве.

Изменение положения тела связано со статической чувствительностью, зрительными реакциями и движениями рук.

Особое значение здесь приобретает вертикальность.

Вертикальное положение воспринимается ребёнком как привилегированное. Из телесного опыта вертикали постепенно формируется целая система образов и символов. Подъём, высота, вершина, свет, превосходство, победа.

Дневной режим основан на дуализме света и тьмы и тяготеет к противопоставлению.

Эта структура обнаруживается во множестве культурных и философских традиций, где свет связывается с чистотой и порядком, а тьма с хаосом и разрушением.

Постуральный рефлекс участвует в формировании восприятия пространства и движения, а через них символов и архетипов человеческой психики.

Поэтому телесная вертикаль постепенно приобретает символическое измерение.

Дневной режим стремится противопоставлять, разделять и бороться.

Его центральные мотивы связаны с борьбой против тьмы, животного начала и падения.

Ему соответствует целый ряд характерных символов.

Клинок символизирует разделение и анализ.

Огонь символизирует очищение и свет.

Вода символизирует чистоту и обновление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.